

Константин Михайлович Станюкович

Пари («Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0007
III.....	.0012
IV.....	.0017
V.....	.0027
VI.....	.0037
VII.....	.0041

**Константин Михайлович
Станюкович
ПАРИ**

Быстренин и Муратов, лейтенанты черноморского флота, недавно назначенные командирами, были влюблены в свои парусные суда.

Первый – в красавца, с одной высокой мачтой, носившей большую парусность, тендер «Ястребок». Второй – в стройную, хорошенькую, с двумя слегка наклоненными мачтами, шкуну «Ласточку».

И «Ястребок» и «Ласточка» отлично ходили и мастерски управлялись лихими молодыми капитанами.

Они были товарищи по корпусу, закадычные друзья и оба завзятые охотники.

Ходили на охоту вместе, хотя несколько лет тому назад вспыльчивый Быстренин и всадил в ляжку друга заряд дробы за то, что Муратов стрелял не в очередь, как было условлено, и убил пару жирных перепелок. А очередь должна соблюдаться свято. Сознывая себя виноватым, Муратов даже не выругался и стал сконфуженно снимать сапоги и штаны. И когда Быстренин начал извиняться, Му-

ратов остановил товарища:

– Брось, Николай Иванович! Я не в претензии. Сам виноват. А ты – порошок. И вдобавок сегодня пуделял, а я без промаха. Досадно только, что нельзя сегодня охотиться! – добродушно прибавил Муратов.

Быстренин вытер кровь, сделал перевязку, забинтовал ногу, и друзья пошли в Севастополь.

Раскаяние свое Быстренин вымещал на своем «Джеке». Умный молодой пойнтер решительно не понимал, за что его беспощадно вытягивали плетью. Ведь не он же виноват, что хозяин не заставлял птиц падать. Джек так непокорно визжал и с таким испуганным удивлением и укором смотрел на Быстренина, что тот ожесточеннее стал стегать собаку.

– За что это ты Джека, Николай Иванович? – спросил Муратов.

– Он знает... шельмец. Не гоняйся за птицей, если я не велел.

Муратов взглянул на раздраженно-skonфуженное лицо Быстренина и не продолжал.

Быстренин оставил Джека в покое и, повеселевший, стал обычным приятным собесед-

ником и подчас остроумным зубоскалом.

Муратов, по обыкновению, более слушал и восхищался другом.

В Севастополе, конечно, не узнали, что Быстренин залепил заряд Муратову. На вопросы Алексей Алексеевич коротко отвечал: «Споткнулся... уронил ружье, спустился курок». Быстренин, напротив, подробно рассказывал, как это случилось. Через три дня друзья снова пошли на перепелов. Было время перелета.

Не омрачилась дружба лейтенантов даже и тогда, когда год тому назад они одновременно «втюрились» в севастопольскую чародейку «Марусю», как все за глаза называли единственную дочь крикуна-добряка адмирала Ратынского, старавшегося показать, что он... ууу... какой строгий, и когда-то писаной красавицы-адмиральши, которую мичмана не без основания прозвали «адмиралом», а мужа – «адмиральшей».

Стройная, хорошо сложенная и грациозная красавица брюнетка с белым матовым лицом и большими жгучими глазами, силу чар которых она часто пробовала с задорным любопытством двадцатилетней южанки и уверенностью балованной победительницы сердец, Маруся кокетничала с двумя лейтенантами и обоим подавала некоторые надежды.

Быстренин, пригожий, кудрявый брюнет со смеющимися, ласковыми глазами, не уставая, щеголял и умом, и насмешливым остроумием веселой болтовни, и цитатами из Лермонтова, и мечтательными иносказаниями,

и восторженным восхищением. Разумеется, при всяком удобном случае он крепко пожимал маленькую руку Маруси, словно бы хотел подтвердить свои чувства.

Маруся находила, что Быстренин интересен. И влюблен интересно. И, верно, сделает предложение интересно. И она не всегда сердилась на продолжительность и силу пожатий рук и сама слабо пожимала в ответ, словно бы не лишая влюбленного надежд.

Недурен был и Муратов, – высокий, стройный блондин с мужественным загорелым лицом. Быстренин без устали болтал. Муратов неизменно красноречиво молчал при Марусе. Но его голубые глаза, светлые и серьезные, говорили более, чем нужно было для такой любознательной чародейки.

И Маруся находила, что Муратов иногда молчит очень интересно и влюблен серьезнее, чем Быстренин. Ей было приятно и весело сознавать, что такой мужественный и серьезный человек, казалось, боится ее больше, чем самого адмирала Корнилова [1], и что достаточно ей ласково улыбнуться или обжечь взглядом, чтобы Муратов светлел и бледнел.

Он, правда, не пожимал ее рук, как нахал Быстренин, но она чувствовала, как подчас вздрагивает его рука. Она чувствовала его горячее дыхание и блеск его упорных глаз во мраке волшебного вечера, когда он прощался с нею на бульваре или на Графской пристани.

И Марусе вдруг казалось, что Муратов был бы верным рыцарем-мужем, красивым, любящим навсегда, и она пожимала крепко его вздрагивающую руку, и голос ее нежнее шептал: «До свидания!»

Муратов, мало знавший женщин, уже возмечтал, что рай находится в Севастополе. И скоро на бульваре же, словно бы темнота и нега волшебного теплого вечера так же помогает признаниям, как и преступлениям, – вдруг прошептал, точно виноватый в чем-то:

– Марья Александровна... Разрешите просить вашей руки!

Маруся не испугалась. Слава богу, не первый раз просили ее руки. Она, конечно, поблагодарила за честь; не скрыла, что Алексей Алексеевич ей больше чем нравится, но...

– Позвольте подумать... А пока пусть это будет секретом... Не проговоритесь Быстрени-

ну... Он болтун... Обещаете?

– Еще бы... Никому ни слова!

Прощаясь, Маруся значительно шепнула:

– Пока мы друзья... Но, может быть, скоро...

Муратов вернулся на корабль.

Счастливый, он скрывал в кают-компании свои надежды.

Придется и Быстренину молчать. Нельзя. Дал слово.

Муратов пожалел друга и чувствовал себя точно виноватым перед ним за то, что он обнадежен... Нравится Марусе, а Быстренин за бортом.

Но ведь они не мешали друг другу в глазах чародейки. Еще бы! Он по совести влюбленно молчал, и сама судьба взыскала его.

«Никакой претензии тут нет!» – подумал Муратов.

На другой же день приехал к нему в гости Быстренин.

Он тоже скрывал такую же тайну до времени.

И, считая себя по праву быть более интересным женщинам, чем друг, Быстренин, не без искреннего участия счастливец к незна-

дежному «влюбленному», спросил:

– Ну как твои дела с Марусей, Алексей Алексеич?

Муратов смутился и застенчиво ответил:

– Втюрился... Вот и дела!

– Лучше брось, Алексей Алексеич!.. Право, брось, голубчик Алеша!..

Скоро друзья вернулись из осеннего плавания. Они одновременно съехали со своих кораблей на берег и встретились на пристани. Тотчас же пошли на свою маленькую квартиру и там увидели по конверту.

Муратов вошел в свою комнату, вскрыл конверт и прочел пригласительный билет на бракосочетание Марьи Александровны Ратынской с капитаном первого ранга Иваном Ивановичем Киргизцевым. Прочел еще раз и стал необыкновенно серьезен, точно был на вахте в тот момент, когда неожиданно под носом корабля он увидал скалу.

Влетел Быстренин к Муратову и со злою усмешкою протянул:

– Однако! Ты как полагаешь, Алеша... Это как называется?..

– Полагаю, что Маруся выходит замуж, – с угрюмым спокойствием ответил Муратов.

– Да ты обалдел, что ли, Алексей Алексич?.. Какого принца Маруся выбрала? Вот так принц!.. Это просто свинство!..

– Какое же свинство, Коля? Киргизцев по-

нравился и...

– Понравился!? – воскликнул, закипая, Быстренин. – Боров... под пятьдесят... Запарывает матросов... Понравился!? Ты в здравом уме?.. Просто захотелось быть адмиральшей... Вот тебе и чародейка... Лермонтова слушала... И я-то дурак... Возмутительно! А по-твоему, что ли, Маруся влюбилась в борова?..

– Ведь бывает, Коля... Нравятся немолодые! – старался Муратов защитить Марусю.

– Иван Иванович Мазепа? [2] Скажи, пожалуйста! Мазепа!? Просто скотина! И у такой скотины будет женой Маруся?..

– Дда... Не стоит Киргизцев такого счастья! – мрачно промолвил Муратов.

– А мы-то втюрились... Стоило! Отлично оболванила... Еще недавно на бульваре: «Пока мы друзья. Но, может быть, скоро...» Очень скоро!..

– Это кому же Маруся говорила? – упавшим голосом спросил Муратов, хотя уже догадался – кому.

– Мне! – не без горделивости сказал Быстренин. – Я только не мог тебе сказать, что я «так и так»... сделал предложение. Маруся

просила подождать, но никому ни слова... И особенно тебе... Верно, думала, что поссоримся... Ты приревнуешь...

– А ты рассказываешь, Коля? – упрекнул Муратов.

– Я молчал... Она просила «пока»... А теперь не все ли равно?.. И только тебе, Коля... Ты пойми... Ведь ты не свалял дурака, как я... Тебе ведь Маруся не говорила: «может быть, скоро»? – взволнованно и нетерпеливо спросил Быстренин.

– Свалял!.. – ответил Муратов.

– И тоже: «может быть, скоро»?

– Просто отказала!

Быстренин облегченно вздохнул.

– Так ты не можешь почувствовать этого свинства... Тебя Маруся не обнадеживала!

Муратов понимал и чувствовал, что «свинство» не в том, за что Быстренин так возмущается, считая себя обиженным. И он проговорил:

– Ты, брат, умный и психологии разные любишь, а взъерепенился на Марусю из-за чего?.. Из-за того, что подала тебе надежду?.. Ну так что ж, что обнадежила... Тогда ты правил-

ся, а потом... Да мало ли причин... Раздумала и шабаш! Да хоть бы слово дала... Разве уж не может взять его назад... В таких делах не позорно не сдержат слова... Любовь... это... сам знаешь, совсем особенная штука...

– Ну, положим... Особенная.

– Так извини, Коля, а в тебе только мужское самолюбие говорит. Втюрился, так и в тебя должны втюриться. А она не желает!

– Ну и черт с ней! – воскликнул Быстренин. – И ты, Алексей Алексеевич, пошли ее к черту. А то вообразит, что так мы и пропадем из-за нее... А выходить за борова все-таки свинство! – прибавил Быстренин.

– И не будем больше говорить о Марусе.

– Идет. Не будем. А за молодой женою борова не приударишь, Алексей Алексеевич?

– Это ты около чужих жен околачиваешься... А я не занимаюсь такой охотой. И тебя не хвалю.

– А я не вижу ничего дурного... Надо же нашему брату, лейтенанту, поухаживать за чужою женой, если своей нет...

– Женись.

– Маруся предпочла борова... На свадьбу

пойдешь?

– Нет. А ты?

– Непременно пойду.

– Только смотри, Николай Иванович... У тебя ведь язык – враг твой...

– Так что же?..

– Не скажи Марусе чего-нибудь... понимаешь... обидного насчет замужества... Боров – не боров, а ее муж.

Стояла чудная весна. В севастопольских садах цвели фруктовые деревья. На улицах благоухали акации.

Бухты были оживлены с раннего утра. Суда обеих черноморских дивизий, зимовавших в огромной Корабельной бухте, вооружались для предстоящего плавания. Мачты уже оделись такелажем и сетью снастей. Палубы приводились в порядок. Паруса были привязаны. С шаланд выгружались бочки с провизией и цистерны с водой.

В Корабельной бухте висела ругань боцманов. Через три дня все эти корабли – фрегаты, корветы, бриги, шкуны и тендеры – должны выйти на рейд и выстроиться в две линии.

В начале первого часа дня Муратов и Быстренин, с пяти часов утра наблюдавшие за окончанием вооружения их судов, «Ласточки» и «Ястребка», возвращались домой, на квартиру, обедать последние дни перед плаванием вместе. Оба в стареньких рабочих сюртуках, в сбитых на затылки фуражках, с «лисеями», как называли черноморцы бе-

левшие брыжки воротничков сорочки, которые моряки носили, несмотря на николаевские времена, оба раскрасневшиеся, усталые и голодные, оба веселые и довольные, оживленно перекидывались словами о работах на их судах, боцманах и «молодчагах»-матросах, о скором плавании и о скором приезде в Севастополь Корнилова, начальника штаба главного командира черноморского флота и портов, – адмирала-умницы и грозы для командиров.

О Марусе друзья даже и не вспомнили. После выхода замуж она была забыта, тем более основательно, что уж перестала быть прежней чародейкой и не пробовала больше своих чар. Притихла. «Боров» был не из близоруких, на бульваре гулял вместе и не был любезен с молодыми людьми.

Друзья выпили по рюмке, с удовольствием съели суп, битки и блинчики, приготовленные вестовым Муратова Клименкой и поданные вестовым Быстренина Селезневым, и собирались было отдохнуть после обеда, как в комнату вошел охотник Бугайка, сильный и крепкий старик, в ловко сидевшем на нем из-

мызганном старом буршлате и в стареньких грязных сапогах, в которые были засунуты побуревшие штаны.

Бугайка, отставной матрос, был отличным охотником, знающим все места в окрестностях Севастополя, Симферополя и Бахчисарая. Он был бродяга по натуре и не боялся одиночества. Жена давно его бросила, и Бугайка нанимал каморку в Корабельной слободке у старушки – вдовы боцмана. Но жил дома редко. Шатался с ружьем по крымским долинам и в горах. Выучился по-татарски и водил с татарами знакомство. Дичь продавал в Севастополе господам и часто дарил барчонкам ежей, лисичек, зайцев и кроликов. Деньги пропивал, угощая каждого. И затем снова уходил шататься с ружьем.

– Здравия желаю, Алексей Алексеевич!
Здравия желаю, Николай Иванович!

Оба лейтенанта весело встретили Бугайку и удивились, что он в городе трезв.

Он осторожно достал из-за пазухи длинноухого с Волнистой светло-желтой шерстью щенка и, прихватив его своею жилистой, корявой рукой за шиворот, поставил на пол и

сказал:

– Правильный сеттерок! Полюбуйтесь, ваши благородия! Три карбованца прошу. Стоит!

Друзья подошли к щенку, и каждый из них с серьезным видом знатока выщупал визжавшего щенка, заглядывал в зубы, раздвигал глупые глаза, трогал нос, потягивал пушистый хвост и выворачивал уши.

Видимо, оба лейтенанта были от щенка в восторге.

И почти одновременно оба сказали:

– Беру, Бугайка!

– Возьму щенка!

Быстренин значительно прибавил:

– Не найденный?

– Не беспокойтесь, Николай Иваныч! Не подведу знакомых господ, ваше благородие! Ни у кого вокруг нет таких сук, чтобы... найти сеттерка. Одна Ахметкина сука под Бахчисараем недели три оценилась. Ахметка и подарил утром кобелька... А хорош?

– Спасибо, Бугайка!

И Муратов и Быстренин полезли в карманы штанов за деньгами.

– Да кто ж берет щенка?.. Я думал, что я, – промолвил Быстренин.

– Я очень бы хотел, Коля!

– И мне хочется щенка!

– Да ведь твой Джек молодой, хороший пес. А моя Дианка стара... И чутье теряет...

– Джек горяч... Ни к черту... И сеттера у меня не было, а у тебя был...

И, любуясь сеттерком, Быстренин не без обиды прибавил:

– И как нам быть с щенком? Согласись, Алексей Алексеевич... Права на щенка одинаковые.

– Оттого-то я и прошу уступить его мне! – настойчиво проговорил Муратов, жадно взглядывая на щенка.

– И я прошу... Будь другом... уступи, Алеша!

В мягком голосе Быстренина звучала капризная нотка.

Муратов по совести считал, что его желание иметь щенка более основательно. И, всегда уступавший другу, на этот раз заупрямился и упорно сказал:

– Не имею оснований уступить!

– И у меня их ни малейших!

Бугайка насмешливо поглядывал своими маленькими острыми глазами на офицеров, которые не решили, по его мнению, «в секунд» насчет щенка, и, нетерпеливо ожидавший свои три карбованца, чтобы немедленно их пропить, проговорил:

– То-то всякому охотнику лестно иметь сеттерка... Выйдет собака! Он теперь что? Глупый! – ласково прибавил Бугайка, словно бы в оправдание за маленькую лужку под щенком. – А только войдет в понятие, хоть на палубу пускай – не оконфузит!.. Никак и не обсогласиться без того, что пустить сеттерка на фарт. Орел или решка!

– Видно, иначе нельзя! – серьезно промолвил Муратов и энергично пустил из длинной трубки клубки дыма.

– Никак без того не выйдет, и никому не обидно. Чье счастье... В один секунд объявится... Только вскиньте копейку, ваше благородие.

– Охота доверяться слепому случаю, Алексей Алексеевич, – насмешливо сказал Быстринин.

– Приходится, Николай Иванович.

– Так уж, если ты упрям, лучше подержим пари на щенка.

– Упрям, брат, ты... Какое пари?

– Кто из нас раньше снимется с якоря, – тому и щенок. Шансы у нас одинаковые! Согласен?

– Согласен!

«Щенок, верно, мой!» – подумал Муратов.

«Щенок мой!» – решил про себя Быстренин.

– Это вы ловко обмозговали, Николай Иванович, насчет «парея» на сеттерка. Ай да ловко, ваше благородие! Нашему брату, матрозне, и невдомек... Больше на фарт живем, – проговорил Бугайка с едва заметной иронической ноткой в своем сипловатом, приятном голосе и лукаво улыбаясь бойкими, смеющимися глазами. – И «Ласточка» Алексея Алексеевича – форменная шкунка, и «Ястребок» ваш – «дендер» форсистый... А матросы – на то и матросы... Не оконфузят своих командиров, чтобы самим не допроситься до дерки. Я часто просил и ведь жив остался, – усмехнулся Бугайка.

– Ты чего зубы скалишь, Бугайка? – строго

спросил Быстренин.

– Известно... веселый охотник, ваше благо-
родие, и пьяница... и спешка есть... Так уж
дозвольте получить три карбованца... а мога-
рыч сам справлю...

– Пропьешь?..

– Безотлагательно, Николай Иванович...

Бугайка получил три рубля. Муратов при-
бавил от себя полтинник, а Быстренин дал то-
же полтину и велел вестовому дать охотнику
стакан водки.

Бугайка довольно сдержанно поблагода-
рил за могорыч и торопливо вышел.

Щенок до совместной съемки с якоря «Ла-
сточки» и «Ястребка» находился в общем вла-
дении.

На лето щенка решили отдать одному зна-
комому доктору при госпитале, охотнику и
умеющему воспитывать щенков очень хоро-
шо и не без той обязательной строгости, с ка-
кой воспитывали матросов.

А пока Муратов приказал вестовому
немедленно купить молока и напоить щенка.

– И эти дни хорошенько смотри за ним! И
не смей ударить! – прибавил Быстренин.

– Есть, ваше благородие... Как прикажете их звать? – деликатно спросил молодой матрос, указывая пальцем на щенка.

– Скажу потом. А теперь живо молока!

И, когда вестовой исчез, Быстренин сказал Муратову:

– Надо бы сейчас назвать щенка...

– Что ж, назовем.

– Хочешь, Алексей Алексеевич, назвать «Фингалом»? ведь звучно!

– Ничего... Но, признаюсь, не очень нравится...

– Выбирай, какое тебе более нравится... Спорить не стану, Алеша!

– «Шарманом», например... Он ведь действительно *charmant* [3].

– Кличка подходит к щенку... Но ведь «Шарманов» в Севастополе три. У доктора – «Шарман», у Балясного – «Шарман», у Захара Петровича – «Шарман»... Случится охотиться с кем-нибудь – неудобно... Впрочем, если ты настаиваешь, Алексей Алексеевич, назовем «Шарманом», – с усиленно ласковой уступчивостью говорил Быстренин.

– Ты прав, Николай Иванович! К черту

«Шармана»! Придумай другую кличку. Ты придумаешь.

После нескольких прозвищ, которые не нравились обоим лейтенантам, остановились на кличке «Друг», внезапно пришедшей в голову Муратова.

Друзья остались довольны и разошлись по своим комнатам отдохнуть час, чтобы после снова идти на вооружение до вечера.

Муратов долго не мог уснуть.

Первый раз за время долгой дружбы в сердце Алексея Алексеевича внезапно явилось тяжелое чувство разочарования в друге.

Раздумывая о нем, он впервые отнесся к нему критически. И Муратов старался оправдать Быстренина и обвинял себя за подлые подозрения в черством эгоизме... И кого же? Единственного друга, которого так давно любит.

«Это невозможно. Это подло!» – повторял Муратов, отгоняя подозрения.

И все-таки не мог избавиться от назойливой, удручающей мысли, что Быстренин мог бы уступить щенка.

Через три дня черноморский флот стоял на Севастопольском рейде. «Ласточка» и «Ястребок», оба заново выкрашенные, черные, с золотыми полосками вокруг бортов, с изящными линиями обводов, с красивой погибью мачт, с безукоризненной осадкой, отлично вытянутым такелажем и с белоснежной каймой выровненных над бортовыми гнездами коек, – стояли, недалеко друг от друга, в глубине рейда, в хвосте первой линии судов.

Оба были стройны, красивы и словно бы задорно блистали под блеском южного солнца.

С последним ударом восьмой склянки на всех судах взвились флаги и гюйсы, подняты брам-реи, и по рейду разнеслась музыка с кораблей, встречавшая подъем флага.

Майское утро было прелестно.

Ни облачка на бесстрастно красивом бирюзовом небе. Ни ропота моря. Полное властных чар, обаятельно-ласковое, дышавшее бодрящей свежестью, оно едва рябило.

Ни с простора моря, ни с гор не проносился

ветер.

Вымпелы едва колыхались.

Ни стоны, ни крики, то покорные, то ожесточенные крики беспощадно наказываемых линьками матросов, не нарушали тишины рейда.

Все злое, бесцельно жестокое и позорное, что творилось в старину, точно любило пред-
рассветную полумглу и избегало яркого блеска роскошного утра.

Не оглашался заштилевший рейд и необузданно вдохновенной руганью старших офицеров и боцманов, обычной во время уборки судов. К подъему флага все суда уже блистали умопомрачающею чистотой.

Только изредка проносилось ожесточенно громкое морское окончание сухопутных слов, и среди тишины рейда раздавался исступленный капитанский окрик, похожий на дикий крик душевнобольного из буйной палаты.

С девяти часов на рейде воцарилась особенно торжественная тишина.

Старшие и младшие флагманы осматривали суда своих дивизий.

На кораблях то и дело играли марши,

встречавшие и провожавшие адмиралов. По рейду разносились громкие матросские ответы на приветствия адмиралов.

Гичка с младшим флагманом пятой дивизии направилась в глубину рейда, где стояли корветы, бриги, шкуны и тендера. Гичка приставала к разным судам и наконец пристала к «Ласточке».

На палубу шкуны вошла, быстро поднявшись по трапу, высокая, крупная, внушительная фигура старого контр-адмирала Ратынского с строгим и нахмуренным моложавым лицом, которого мичманы прозвали «адмиральшей» и «Сашенькой».

Он еще более выпятил грудь и приподнял густые адмиральские эполеты, еще более нахмутив брови, стараясь таращить свои добродушные глаза как можно сердитее, когда выслушал рапорты вахтенного начальника, молодого мичмана, и командира шкуны, лейтенанта Муратова.

Адмирал подал офицерам руки, поздоровался с выстроенной командой, велел распустить матросов и вместе с Муратовым пошел осматривать шкуну.

Добродушному адмиралу надоело казаться строгим, хмурить свои густые черные брови и подергивать широкими плечами, тем более, что он – и сам когда-то лихой капитан до женитьбы – приходил в восторг от образцового порядка и изумительной чистоты на «Ласточке».

И его лицо расплывалось в широкую улыбку, а небольшие темные глаза улыбались, и вся внушительная фигура адмирала, казалось, стала поменьше.

После осмотра, когда адмирал вместе с Муратовым поднялись наверх и остановились на шканцах, – адмирал проговорил:

– Вы знаете-с, Алексей Алексеевич, я строг. Очень строг-с!

Муратов не поддакнул, хотя и знал, что «Сашенька» любил, чтобы офицеры считали его строгим и на службе боялись его.

– Да-с. Служба... Нельзя без строгости. Но при всем том я не могу указать ни на малейшее упущение... Ваша шкуна – образцовая-с...

Муратов был всегда сдержан с начальством. Он не выразил на своем лице радостного чувства, не поблагодарил за похвалу и

молчал.

А флагман продолжал:

– Да-с, обрадовали, Алексей Алексеевич...
Такого порядка... не видел... Рад, что могу вам
это сказать!

И адмирал крепко пожал руку Муратова.

– Вы увидите, ваше превосходительство,
судно не хуже «Ласточки», – проговорил Му-
ратов.

– Какое?

– «Ястребок», Александр Петрович.

– Вашего друга?

– Точно так. Быстренина.

– Посмотрю-с. До свидания.

И, перед тем как сходить по трапу, адми-
рал проговорил уже совсем не как началь-
ник:

– А что забыли нас, Алексей Алексеевич?
Жена недовольна... Зайдите к ней...

– Постараюсь, Александр Петрович...

«Ястребком» адмирал восхитился не мень-
ше чем «Ласточкой», а молодой командир
тендера просто-таки обворожил его.

Скрывая улыбку, Быстренин как будто
слегка испугался появления нахмуренного

«Сашеньки» и немедленно согласился с ним, что он строг и что его боятся. Быстренин очень тонко показал, что польщен горячей благодарностью восхищенного адмирала, обещал на днях же быть у адмиральши, ловко осведомился, когда Маруся обедает у своих, и получил приглашение обедать в воскресенье, если не уйдет в море.

В тот же день адмирал, докладывая старшему флагману о посещении судов, особенно хвалил «Ласточку» и «Ястребка». Хвалил обоих командиров, но Быстренина сердечнее и экспансивней.

– Муратов превосходный и достойный офицер... Только какой-то скрытный... Будто не очень ценит похвалу адмирала...

А про Быстренина сказал:

– Блестящий офицер. И капитан-умница. И на берегу умница. И душа нараспашку...

– Оба лихие офицеры! – согласился седой высокий старик.

И, подумавши, прибавил:

– Только полагаю, что Муратов основательнее и серьезнее.

Вечером друзья сошлись в морском клубе.

– Ну как «Сашенька»? Был доволен «Ласточкой»? Не выдержал роли строгого адмирала? – весело спрашивал Быстренин.

– Доволен! – скромно ответил Муратов и заботливо спросил:

– Твоим «Ястребком», конечно, остался очень доволен?

– В восторге!

– То-то! – обрадованно промолвил Муратов.

– Ну да я, признаться, не тронулся его восторгами. – Ведь он – «Сашенька» и «адмиральша»! – с презрительной улыбкой сказал Быстренин...

– «Сашенька»... «адмиральша», а службу понимает и добрый, честный человек... Я, брат, доволен, что «Сашенька» нас похвалил.

– В воскресенье звал обедать. Адмиральша недовольна, что давно не был. А тебя звал?

– Обедать не звал. Да и я хочу идти к доктору обедать. Только едва ли... Если задует хороший ветер, уйдем в море...

– И разыграется наш «Друг».

– Дда! – протянул Муратов.

В субботу с вечера задул зюйд-вест, и в

ночь засвежело.

В воскресенье, в шесть часов утра, на флагманском корабле был поднят сигнал: «сниматься с якоря и идти в Феодосию».

Быстренин вернулся с берега поздно и спал, когда сигнальщик вбежал с докладом.

– Ваше благородие!

Ответа не было. Сигнальщик дернул Быстренина за руку.

Прошло две-три минуты, когда Быстренин выскочил наверх.

Хотя и без него работы по съемке с якоря были начаты, но молодой мичман не умел распорядиться как следует, и баркас еще не начинали поднимать.

– Баркас! Баркас! – как зарезанный крикнул Быстренин.

Он взглянул на «Ласточку». Там уже поднимали баркас.

Быстренин понял, что он опоздает.

– Зарезали, Михаил Никитич! Запорю боцмана! Всех запорю! – в бешенстве крикнул Быстренин.

И в эту минуту, казалось, он мог запороть.

Боцман было бросился с людьми подни-

мать баркас, но Быстренин вдруг велел отставить. Все удивились приказанию и тому, что командир уж не кричал, как бесноватый, что заперет, хотя и никого еще не запарывал.

По лицу Быстренина пробежала торжествующая улыбка. Он подозвал боцмана и приказал:

– Потопить баркас! Понял?

Боцман ошалел.

– Скотина! Потопи за кормой... Не заметят... и буюк!.. Вернемся – поднимем...

Боцман понял и радостно ответил:

– Есть... «Ласточке» нос утрем, Николай Иванович!..

Боцман убежал, а Быстренин побежал на шпиль, где выхаживали якорь, и уже не грозил перепороть, а заискивающим голосом молил:

– Братцы, навались... братцы, ходом!

Матросы наваливались.

Быстренин просветлел. Он и отличится и выиграет пари. И, довольный, что придумал такую остроумную «штуку», не вспомнил, что пари будет выиграно неправильно и что скажет друг Муратов, если узнает.

«Разумеется, никто не должен знать. Никто на тендере не расскажет!» – подумал Быстренин, когда у него пробежала мысль, что начальник дивизии может узнать.

– На грот... На кливера!..

Боцман прибежал и доложил, что баркас потоплен.

– Чехол надень на распорки... Будто баркас...

– Есть! – ответил боцман.

«И ловок же!» – подумал боцман.

Прошло еще несколько минут.

– Кливера ставить. Грот садить! – точно в восторге скомандовал Быстренин.

На «Ласточке» только послали людей по вантам.

Муратов уже пил чай в своей маленькой каюте, когда вбежал сигнальщик и доложил о сигнале.

И в ту же минуту Муратов услышал команду вахтенного мичмана:

– Свистать всех наверх. Сниматься с якоря!

Боцман просвистал и повторил команду.

Муратов выскочил на мостик.

Скрывая волнение, серьезный и, казалось, спокойный, он крикнул:

– На шпиль! Гребные суда поднять!

Матросы работали вовсю. Муратов не кричал, не ругался, как обезумевший. Он был строг, случалось, наказывал, но не «зверствовал».

И матросы были довольны своим командиром.

Не прошло и десяти минут, как все гребные суда были подняты.

Еще оставалось минут пять, чтобы якорь отделился от грунта, – стал на «панер», – и шкуна, одетая парусами, пошла.

«Щенок мой!» – подумал Муратов.

Он слышал отчаянный окрик с «Ястребка»: «Баркас, баркас!» и обезумевший крик: «Запору!» – Очевидно, баркас не был еще поднят на «Ястребке», когда на «Ласточке» уже поднимали. И у «Ласточки» несколько минут впереди. Он обернулся назад – взглянуть, что на «Ястребке». Но «Ястребок» стоял в линии последним, и за другими судами, стоявшими в кильватере, – нельзя было видеть, что делается на «Ястребке».

Эти последние минуты казались Муратову вечностью.

И самолюбие моряка, и щенок – по справедливости его щенок, – и честь «Ласточки», и честь его команды, которая может быть отличной и без модной жестокости, и незаглохшее чувство разочарования в друге, – все это волновало Муратова, и он желал победы, точно чего-то необыкновенно важного, решающего его судьбу.

И он невольно перекрестился и прошептал: «Слава тебе, господи», когда раздался го-лос боцмана: «Панер», и «Ласточка» тронулась...

Вдруг друг побледнел и, казалось, не верил

глазам.

Мимо «Ласточки» неся, почти лежа на боку и чертя подветренным бортом воду, красавец «Ястребок», имея на своей высокой мачте всю парусину незарифленной и на бугшприте все кливера.

У наветренного борта стоял Быстренин, красивый, но слегка побледневший, улыбающийся, казалось, торжествующий, и, снимая фуражку, крикнул Муратову:

– Щенок мой!

– Твой! Ты – волшебник! – ответил Муратов.

Забирая ходу, тендер летел к выходу с рейда.

Шкуна летела за ним, нагоняя его.

Тогда на «Ястребке» подняли «топсель». Тендер совсем лег на бок.

На флагманском корабле взвились позывные «Ястребка» и сигнал: «Адмирал изъявляет свое удовольствие».

«Правильно. Молодчина Быстренин!» – подумал Муратов, любуясь бешеной отвагой

друга и все еще недоумевая, как он мог так скоро поднять баркас и раньше сняться с якоря.

Мичман с «Ястребка» проболтался о потоплении баркаса, и «штука» Быстренина стала известной в Севастополе.

Многие моряки восхищались выдумкой Быстренина.

Старый адмирал, начальник пятой дивизии, потребовал Быстренина на флагманский корабль.

Лейтенант вошел в адмиральскую каюту далеко не в приятном настроении.

Адмирал подал руку Быстренину и сказал:
– Находчивы, молодой человек, и лихо управляетесь «Ястребком», – хвалю-с.

Но старое, сморщенное лицо адмирала было серьезно и сделалось строгим, когда старик продолжал:

– И все-таки объявляю вам строгий выговор-с. Понимаете, за что-с?

– Понимаю, ваше превосходительство! – ответил Быстренин и самолюбиво вспыхнул.

– Впредь не фокусничайте. Нехорошо-с. Что бы вы сделали, если бы баркас был вам нужен в те дни, когда были в море? Я отдал

бы вас под суд-с. И не пощадил бы... Служба – не фокусы...

И после паузы прибавил:

– Слышал-с, держали пари?..

– Точно так!

– Так ведь вы и проиграли... Не так ли-с?

– Разумеется... И щенок – не мой.

– Я был уверен, что вы так поступите! – мягче промолвил старик и, подавая руку Быстренину, сказал, что он может идти.

Через неделю «Ласточка» возвратилась в Севастополь из крейсерства у кавказских берегов.

Быстренин тотчас же поехал к Муратову и после первых приветствий сказал:

– Пари ты выиграл, Алексей Алексеевич! Щенок твой...

– Почему?

Быстренин рассказал, почему он раньше снялся с якоря, и прибавил:

– Не сердись, Алеша, увлекся...

Хоть Муратов и не сердился, и друзья продолжали болтать, но оба почему-то почувствовали, что между ними вдруг пробежала кошка.

1901

Корнилов, Владимир Алексеевич (1806–1854) – военно-морской деятель, вице-адмирал, герой Севастопольской обороны. С 1849 года был начальником штаба Черноморского флота.

[^^^]

Иван Иванович Мазепа? – Здесь имеется в виду герой поэмы А.С.Пушкина «Полтава» (1829) – престарелый гетман Мазепа, вызвавший страстную любовь юной Марии Кочубей.

[^^^]

3

Прелестный, милый (*франц.*)

[^^^]